УДК 82-91

DOI: 10.15350/26191490.2020.1.11

Д. Н. Фатеев, Н. А. Зайцев

РУССКИЕ, ТАТАРСКИЕ И БАШКИРСКИЕ ХРЕСТОМАТИИ СЕРЕДИНЫ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье на примере жанра хрестоматии и отдельных составляющих его меньших форм рассматриваются сходства и отличительные черты русского, татарского и башкирского просветительского движения. Дается оценка хрестоматии как жанру просветительской словесности и функциям, выполняемым ею при формировании национального языка, культурного самосознания народа, развитии национальной литературы и педагогики. Рассмотрение подхода урало-поволжских и русских просветителей к составлению хрестоматий, отбору и обработке входящих в них произведений проводится на материале «Татарских хрестоматий» М. И. Иванова и С. Б. Кукляшева, «Хрестоматии» К. Д. Ушинского, хрестоматии Н. А. Корфа из книги для чтения «Наш друг» и четырех «Русских книг для чтения» Л. Н. Толстого. Источниками исследования стали также работы литературоведов и культурологов, посвященные творчеству упоминаемых составителей хрестоматий и непосредственно их трудам, а также феномену просветительства в целом. Результаты сопоставления позволяют создать более общее представление о типологических сходствах и различиях русского и урало-поволжского просветительского движения середины и второй половины XIX в., а продолжение исследований в этом направлении может дать ключ к пониманию взаимосвязи и соотношения национально-региональных просветительских движений.

Ключевые слова: просветительство, хрестоматия, басня, перевод, татарская литература, башкирская литература, русская литература.

XIX в., в особенности вторая его половина, стал очень важным периодом в культурной жизни народов, населявших Российскую империю, в том числе татар и башкир. Середина XIX – начало XX в. ознаменованы возникновением в Урало-Поволжье просветительского движения, активной деятельностью ученых, писателей и педагогов. Близость культур татарского и башкирского народов, их неразрывная историческая связь обусловили выдвижение общих для татар и башкир просветителей. В особенности это касается первого этапа движения, связанного с Неплюевским кадетским корпусом в Оренбурге и его преподавателями – Мартинианом Ивановичем Ивановым, Салихьяном Бикташевичем Кукляшевым

и Мирсалихом Мирсалимовичем Биксуриным. М. И. Иванов в 1842 г., а С. Б. Кукляшев в 1859 г. издали хрестоматии на языке тюрки Урало-Поволжья (хрестоматия Кукляшева была переиздана в 1870 и 1895 гг.), им принадлежат также исследования грамматики татарского языка, учебные пособия по татарской грамматике. М. М. Биксурин был автором учебного пособия, в котором «многие основные положения фонетического и грамматического строя башкирского, татарского и казахского языков он разбирает в сопоставлении с арабским, персидским и русским и в качестве иллюстративного материала часто привлекает образцы фольклора и письменной литературы, созданные на этих языках» [Вильданов, Кунафин, 1981, с. 49].

Деятельность преподавателей Неплюевского корпуса, безусловно, продолжала уже складывавшиеся традиции изучения и развития родного языка и словесности, однако значительность вклада позволяет именно ее обозначить как начальный этап татарского и башкирского просветительского движения. Интересным представляется сопоставление творчества ранних урало-поволжских и русских просветителей того же периода.

В то время как у народов Урало-Поволжья просветительство второй половины XIX в. отражало постепенный формационный переход, в России этот процесс был уже практически завершен. Русское просветительство относят по преимуществу к XVIII в. Однако параллельно творчеству татарских и башкирских деятелей у Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, Н. А. Корфа и других в середине и второй половине XIX в. проявлялись черты, во многом им близкие. Несмотря на то, что просветительская деятельность Толстого, Корфа и Ушинского не была прямо связана со сменой общественных формаций, как это предполагает традиционное представление о просветительстве, она отвечала таким ее качествам, как надежда на улучшение общественного положения путем распространения знаний, выражение интересов народных масс [Вильданов, Кунафин, 1981, с. 3], «призыв к просвещенности и нравственной чистоплотности» [Вильданов, Кунафин, 1981, с. 5]. При этом она во многом отличалась от деятельности русских просветителей предыдущего столетия: у Корфа, Толстого и Ушинского отсутствует или крайне слабо выражено «связывание общественно-исторического развития с волей отдельных высокопоставленных лиц» [Вильданов, Кунафин, 1981, с. 5], «выступление за внедрение европейских форм жизни» [Вильданов, Кунафин, 1981, с. 3]. Таким образом, просветительское движение второй половины XIX в. в России можно рассматривать отдельно от просветительства XVIII в., хотя оно и развивалось на основе достижений предшественников и в тесной связи с литературой и педагогикой первой половины XIX в.

Ввиду того, что татарскому и башкирскому просветительству пришлось пройти интенсивный путь развития, зародившись позже русского просветительства и завершившись в первой четверти XX в., а также из-за активных контактов татар и башкир с русской культурой, частичного распространения русского просветительства на народы

Урало-Поволжья, оно совместило в себе часть черт обоих периодов русского просветительства. С ранним этапом движение, в частности, сближается требованием обращения к достижениям европейской культуры, с поздним – убеждением в том, что просвещение всего народа, а не только отдельных его представителей может обеспечить процветание этого народа. Такие черты, как стремление к распространению передовых знаний и мыслей, дидактичность, сближают татарское, башкирское и русское просветительство. Связь же с восточной литературой и собственными народными традициями словесности и педагогики, ярко выраженная направленность на развитие национальных языков и литератур обусловили самобытность урало-поволжского просветительства.

В данной статье на примере татарских хрестоматий М. И. Иванова и С. Б. Кукляшева, «Хрестоматии» К. Д. Ушинского, хрестоматии из книги для чтения «Наш друг» Н. А. Корфа и четырех «Русских книг для чтения» Л. Н. Толстого рассматривается данный просветительский жанр и дается комплексная характеристика его функций с целью проиллюстрировать типологические сходства и различия татарского, башкирского и русского просветительства второй половины XIX в. В ходе обращения к указанным хрестоматиям с точки зрения построения и жанрового состава, а также наличия и роли переводных произведений будут уточнены и дополнены приведенные выше тезисы о соотношении русского просветительства и просветительских движений тюркских народов Урало-Поволжья.

Характеристика указанных хрестоматий позволяет сделать несколько предположений о роли данного жанра в просветительстве, в частности Урало-Поволжья. Ее отличие от того положения, которое занимал жанр хрестоматии в творчестве русских просветителей того же периода, позволит сопоставить эти современные друг другу национально-региональные варианты просветительства. Основной тезис статьи заключается в том, что хрестоматии Иванова и Кукляшева имели как общие с русскими хрестоматиями задачи, так и ряд специфических или имеющих большее значение, чем в русском просветительстве. Они, так же как и хрестоматии их современников – Толстого и Ушинского, – выполняли педагогическую функцию, будучи средством знакомства молодых людей с родным языком и словесностью, собствен-

ной культурой и культурами других народов и способствовали духовному развитию читателей, формированию нравственных ценностей. Однако «Татарские хрестоматии» выполняли и ряд специфических задач, характеризующих важнейшие для того времени установки просветительства. К таким задачам, отличающим деятельность Иванова и Кукляшева от работы русских просветителей, можно отнести: выделение национальных языков и репрезентацию их особенностей и различий; разработку системы функциональных стилей языка, что достигалось как делением текстов в хрестоматиях по стилям, так и обращением к разным пластам родной словесности, переводами произведений русской и восточной литератур; отбор культурно значимых произведений литературы и фольклора; упорядочение и уточнение истории национальной словесности, что является предпосылкой формирования осознаваемой национальными авторами литературной традиции (в русских хрестоматиях эта задача также выполняется, но не имеет такого культурообразующего значения). Перечисленные задачи неоднократно отмечались в ряде работ, посвященных татарскому и башкирскому просветительству, однако не сопоставлялись с задачами русского просветительства того же периода. Такое сопоставление, однако, может стать шагом к более полному представлению об отношении русского просветительства и просветительского движения народов Урало-Поволжья.

Общим для всех рассматриваемых хрестоматий является, прежде всего, интерес составителей к фольклорным и восходящим к фольклору жанрам: у Иванова и Кукляшева это жанры татарского и башкирского народного творчества, у Толстого – быль, сказка, рассказ (в данном случае жанр, близкий к фольклору) а также восходящая к фольклору басня; у Ушинского – сказка, прозаическое переложение былины, басня (фольклорные и восходящие к фольклору жанры более характерны для первой части хрестоматии); у Корфа – басни русских поэтов. Для просветительства всех трех народов характерно понимание того, что народ может не только воспринимать, но и создавать культурные ценности, что можно и нужно использовать произведения народного творчества для развития языка и словесности, для совершенствования образования. Вторым существенным сходством представляется обилие дидактических жанров, свидетельствующее о внимании к педагогическому

назначению хрестоматии. Все составители имели непосредственное отношение к образовательной деятельности и, следовательно, понимали требования, предъявляемые к педагогике и педагогу. Наконец, все хрестоматии содержат переводные произведения, хотя у Толстого их доля значительно меньше, чем у Иванова и Кукляшева, а круг источников его переводов ограничивается баснями Эзопа; единичны переводы и у Ушинского; в хрестоматии Корфа лишь одно переводное стихотворение.

Охарактеризовав общие черты русских и урало-поволжских хрестоматий, отметим важные различия, позволяющие от характеристики хрестоматий перейти к более широкому сопоставлению вариантов просветительства.

Рассматривая хрестоматии Иванова и Кукляшева как средство формирования национальных языков и разделения их на функциональные стили, следует обратить внимание на состав и принцип их организации. «Татарская хрестоматия» Иванова включает в себя образцы башкирского устного творчества («128 крылатых выражений, пословиц и поговорок, 71 песня-четверостишие и 34 загадки» [Вильданов, Кунафин, 1981, с. 40]), достижения «искусства слова других народов, в первую очередь – реалистической русской литературы» [Кунафин, 2012, с. 539], в том числе – «рассказы “Орант” и “Вольдемар”, а также 17 басен» [Кунафин, 2012, с. 539] Крылова, Дмитриева и Хемницера. Как отмечает И. Галяутдинов, хрестоматия Иванова делится на две части: «I часть – примеры разговорного языка татар, башкир и казахов; II часть – примеры книжного языка» [Галяутдинов, 2000]. Кукляшев составляет свою хрестоматию по схожему, но несколько усложненному принципу: язык тюрки «он делит на простой, канцелярский (деловой) и научный (книжный) стили» [Кунафин, 2012, с. 539], соответственно этому делению располагая произведения словесности. В его хрестоматию вошли фольклорные произведения («пословицы и поговорки, короткие бытовые сказки, анекдоты и широко распространенные в то время во всем Урало-Поволжье в устном и письменном виде байты и новеллы реалистического, светского характера» [Вильданов, Кунафин, 1981, с. 45]), фрагменты историко-литературных сочинений на основе шежере – эти произведения представляли простой стиль тюрки; «образцы разных писем и купеческих расписок» [Вильданов, Кунафин, 1981, с. 45] – примеры делового стиля;

отрывки из «Шахнаме», басни Крылова и Дмитриева, рассказы и новеллы, переведенные самим Кукляшевым – примеры научного стиля. Хрестоматия Ушинского, как и книга «Детский мир», в которую она входит, делится на две части. Каждая состоит из прозаического и поэтического разделов, причем в первой части прозаический раздел включает басни и рассказы в прозе (большая часть которых сочинена или переложена самим Ушинским), а во второй – прозаические произведения отечественных и зарубежных писателей. Несколько усложняются во второй части и поэтические тексты. Хрестоматия Корфа имеет довольно малый объем и состоит из двух частей – «стихотворения» и «прозаические образцы».

Важным сходством книги для чтения Корфа с хрестоматией Кукляшева является наличие в них произведений официально-делового стиля. Однако различны задачи их введения в хрестоматию: у Корфа такие тексты приводятся как актуальные для крестьян, которым адресована его работа, и выполняют таким образом педагогическую функцию; у Кукляшева над педагогической задачей превалирует, как представляется, задача репрезентации стилевых возможностей языка. Хрестоматия Толстого состоит из четырех книг, составленных из следующих жанров (жанры перечислены по количеству произведений в порядке убывания): басня, быль, рассказ, рассуждение, сказка, описание, история, стихи-сказка. Каждая включает в себя большинство перечисленных жанров, однако содержание постепенно становится сложнее, увеличивается доля таких более объемных жанров, как рассуждение, история. Каждую книгу заключает одно или два произведения в жанре «стихи-сказка».

Анализ жанрового состава и принципа организации материала в хрестоматиях подтверждает предположение о различиях русских и урало-поволжских хрестоматий, а, следовательно, и задач, поставленных просветителями. Если у Толстого все произведения стилистически весьма близки, у Ушинского и Корфа смешаны разные по стилю и эпохе написания произведения, и акцента на стиль не делается, а разделение хрестоматий на части проводится по сложности материала или/и по родам словесности, то Иванов и Кукляшев проводят разделение материала по стилям. В соответствии с подходом составителей к стилистической дифференциации в хрестоматии Иванова

отмечается двухчастная система, а в хрестоматии Кукляшева трехчастная. Это может свидетельствовать о том, что в русском просветительстве второй половины XIX в. решается, прежде всего, педагогическая задача, выполняется требование просвещения народа, а вопросы языка и стиля оказываются подчиненными и служат развитию языковой культуры учащихся.

В просветительстве Урало-Поволжья того же периода, напротив, проявляется стремление продемонстрировать и разработать весь спектр возможностей родного языка, приблизить тюрки к разговорным языкам татар и башкир. Это обусловлено необходимостью формирования национальных литератур и выделения национальных языков в Урало-Поволжье и существованием развитой литературы на национальном языке в России.

С этой разницей в условиях связано и другое различие: состав хрестоматий Иванова и Кукляшева характеризуется разнообразием источников, переводами с разных языков, в то время как у Толстого присутствуют лишь переводы с греческого языка басен Эзопа, а у Ушинского только переводы нескольких произведений европейских авторов. Можно предположить, что целью составителей татарских хрестоматий было столкновение русского и восточного литературных и местного фольклорного влияний, ведущее к их уравниванию и принятию необходимого от каждой культуры, что повлияло не только на словесность, но и на формирование национальных языков на базе письменного тюрки. Хрестоматия как жанр, объединяющий произведения разных авторов, эпох и национальной принадлежности, служит удобным полем для контраста между разностилевыми текстами, а следовательно, и для демонстрации стилевого богатства языка, на который они переводятся. Это сыграло важную роль в просветительской работе по формированию самобытной литературы и самостоятельного языка.

Русская литература в данном противопоставлении служила образцом стилистического богатства, в особенности плодотворного обращения к народному пласту в языке (прежде всего это относится к басням Крылова), кроме того апелляция к ней было предпосылкой европеизации, требование которой характерно для просветительства; переводы из восточных литератур поддерживали

традиционное начало в языке и словесности, служили разработке высокого стиля, а также уравнивали западное культурное влияние; фольклорные произведения позволяли ввести в язык тюрки лексику родного разговорного языка, а в письменную словесность – мотивы народного творчества, обеспечить самобытность литературы и языка. Толстой, в свою очередь, не имел перед собой таких первостепенных задач, и басни Эзопа для него как составителя хрестоматии были не столько частью иной культуры, сколько подходящими для его методов дидактическими текстами, обладающими простым и лаконичным языком, лишенными излишнего и наносного. Хотя Толстой увлекался греческой словесностью и видел в ней средство обновления художественного языка, по отношению к его хрестоматии это не представляется главной причиной перевода басен Эзопа. Ушинский помещал в своей хрестоматии переводные тексты преимущественно с дидактической целью; у Корфа переводной текст только один, и он выделяется среди отечественных лишь своим просветительским посылом (наряду со стихотворением Н. А. Некрасова «Школьник»). Это стихотворение Беранже «Урок», в котором воспеваются просвещение и грамотность: «Буки-азь! Буки-азь! // Счастье въ грамотѣ для васъ!» [Корф, 1882, с. 193] – рефрен стихотворения. Примечательно, что перевод этого произведения Беранже включен и в хрестоматию Ушинского. Это можно объяснить таким его достоинством, как сочетание легкой для восприятия формы, радостного настроения с просветительскими идеями.

Такое различие задач хрестоматий, отразившееся в особенностях принципов их составления, может быть отчасти связано с состоянием русских и урало-поволжских образовательных институтов. Так, в России была сформирована и относительно развита система светских образовательных заведений для разных возрастов и сословий. Наличие сравнительно оформившегося светского образования являлось благоприятным фактором для составления учебных пособий, в том числе предназначенных для начального обучения. В татарском и башкирском обществе преобладающим в середине – второй половине XIX в. было традиционное образование, даваемое в медресе и мектебах. Такое образование до развития джадидизма на рубеже XIX–XX вв. было весьма консервативно, обладало относительно сформированным корпусом текстов

для обучения и долгое время мало нуждалось в новых учебных пособиях светской направленности. Вследствие этого, вероятно, сильнее проявилось общекультурное, а не педагогическое значение ранних татарских и башкирских просветительских хрестоматий. Однако существование ряда светских учебных заведений, возникновение новых и постепенное облегчение доступа инородцам в русские образовательные заведения диктовало все же необходимость издания новых пособий. Вследствие этого повышалась и педагогическая значимость хрестоматий Иванова, Кукляшева и других просветителей.

Различия и сходства русского и урало-поволжского просветительства можно рассмотреть подробнее, обратившись к отдельным жанрам, вошедшим в хрестоматии.

В качестве наиболее показательного примера разберем переводы басен Эзопа Толстым и переводы русских басен Ивановым и Кукляшевым. «Толстой неоднократно в письмах подчеркивает, что Эзоп переводится им “буквально”» [Жиликова, Скирневская, 2017, с. 10]. Это можно объяснить тем, что писатель избирает для педагогических целей басни Эзопа как идеально подходящие для обучения крестьянских детей. Такие особенности эзовых басен, как лапидарность, краткость, простота образов отвечают требованиям Толстого к дидактическому жанру, поэтому он не нуждается в серьезной трансформации их при переводе; единственным важным изменением становится опущение морали, поскольку Толстой считал важным дать учащимся самостоятельно прийти к выводам из прочитанного произведения. Приведем пример толстовского перевода басни Эзопа: «(1) Муравей спустился к ручью: захотел напиться. Волна захлестнула его и чуть не потопила. // (2) Голубка несла ветку; она увидела – муравей тонет, и бросила ветку в ручей. Муравей сел на ветку и спасся. // (3) Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу; охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела. // (4) (Поучительная концовка отсутствует)» [Цит. по: Жиликова, Скирневская, 2017, с. 14].

Басни Толстого имеют прозаическую форму, как и их оригинал; прозой переводит русские басни и Иванов. Э. Х. Абидова объясняет это тем, что «для переводчика важнее были идея, смысл, нравоучительный характер произведения, нежели

его жанровая форма» [Абидова, 2017, с. 18]. Такое объяснение подтверждает глубинное, типологическое сходство татарского, башкирского и других (в том числе русского) просветительства – внимание к проблемам педагогики и нравственного воспитания. С другой стороны, Абидова относит к функциям перевода басен русских поэтов «ознакомление мусульман с передовыми традициями русской литературы» [Абидова, 2017, с. 18], что можно также отнести к выделенной выше задаче башкирского просветительства – изучению словесности других народов как предпосылке утверждения своей самобытной словесности, обращению к русской литературе с целью воспользоваться ею как образцом введения в язык и литературу народных словесных традиций. Именно в творчестве русских баснописцев еще в XVIII в. проявлялось обогащающее влияние языка простого народа.

Этот процесс достигает высшей точки в творчестве И. А. Крылова, знаменательные черты которого Л. Ф. Ершов определяет как «демократизацию во всем – от тематики до языка и стиля, новое качество народности» [Ершов, 1975, с. 25]. Неслучайно этот жанр был востребован татарскими и башкирскими просветителями, искавшими пути введения народного пласта языка в национальные языки и словесность. Очень примечательно и то, что при переводе басен Иванов «умело использует средства выражения старобашкирского языка» [Абидова, 2017, с. 16]. В качестве примера преобразования переведенного текста средствами народного языка исследователь приводит следующие две строки: «Икен чебер чебен очраб: // – Кайдан киләсен, туташ кайым? – диб сорады» [Цит. по: Абидова, 2017, с. 17] – в дословном переводе «Им встретила другая Муха и спросила: // – Откуда ты летишь, сестрица/подружка» [Там же]. В оригинале у Дмитриева: «...А Муха у него сидела на рогах, // И Муху же они дорогой повстречали. // “Откуда ты, сестра” – от этой был вопрос» [Цит. по: Абидова, 2017, с. 16].

Помещенный в «Татарской хрестоматии» Иванова перевод повести В. Панаева «Иван Костин» Г. С. Кунафин характеризует как свидетельство внимания составителя к «проблемам нравственного воспитания» [Кунафин, 2012, с. 539]. Однако данный перевод является значимым не только как введение в круг чтения башкирских и татарских читателей произведения демократической направ-

ленности и свидетельство антикрепостнических взглядов просветителя. Демократическая тематика повести и соответствующий стиль могли быть для Иванова-переводчика таким же примером демократизации языка, как и рассмотренные басни русских поэтов. Перевод такого произведения мог способствовать формированию национальных языков, соединению в них языков классической литературы на тюрки и простого народа. Контраст с переводными восточными произведениями был важной предпосылкой стиливой дифференциации стремительно развивавшихся языков.

Наконец, говоря о переводах и обращении к творчеству зарубежных авторов, важно отметить, что, хотя задача передать читателю сведения о мире и культурах других народов стояла как перед русскими, так и перед урало-поволжскими просветителями, однако и ее значимость в разных вариантах просветительства неодинакова. Хрестоматия Толстого давала такие сведения как часть общего интеллектуального развития учащихся, хрестоматии Корфа и Ушинского вовсе не содержали отдельных материалов познавательного характера, будучи частью книг для чтения, состоящих в значительной мере именно из таких текстов. В «Татарских хрестоматиях» их отбор соответствует таким установкам просветителей, как обращение к иным культурам с целью определить свою по аналогии с ними и в противопоставлении им. Преимущественно сведения о других народах даются именно через призму литературы и истории. Интенсивное освоение просветителями инокультурных реалий, продолжившееся впоследствии в энциклопедически обширных по тематике трудах Р. Фахретдинова и М. Уметбаева, было, таким образом, не только одним из первых шагов в формировании национального светского образования, но и способом культурного самопознания и поиска новых путей развития своих искусства, науки и словесности.

Начинания Иванова, Кукляшева и Биксурина продолжились в последующих этапах татарского и башкирского просветительства. Дальнейшее развитие как просветительского движения, так и национальной культуры татар и башкир многим обязано именно напряженной деятельности этих ранних просветителей. Можно заключить, что во многом их усилия по развитию и демократизации, стиливой дифференциации родного языка послужили предпосылкой формирования национальных литератур, постепенного перехода от тюрки

к татарскому и башкирскому языкам, а также стала важным шагом к распространению в Урало-Поволжье светского образования. Хрестоматии Толстого, Корфа и Ушинского также сыграли важную роль в истории русского просветительства и до сих пор не теряют своей актуальности в педагогике.

Таким образом, изучение татарских, башкирских и русских хрестоматий второй половины XIX в. и отдельных входящих в них жанров может привести к более точному представлению о сходствах, различиях и взаимосвязях национально-региональных вариантов просветительского движения. В данной статье была предпринята лишь попытка постановки проблемы и определения возможного пути сравнительного анализа на достаточно узком круге материала. Перспективным

представляется дальнейшее сопоставительное изучение хрестоматий и других произведений русских, татарских и башкирских просветителей рассматриваемого периода. Дальнейшее расширение хронологии исследования позволит получить более полную картину взаимодействия русского и урало-поволжского национального просветительства, их типологических сходств и различий, а также взаимовлияний на примере более представительной подборки хрестоматий и книг для чтения. Кроме того, проверке и уточнению сделанных выше выводов может способствовать аналогичное исследование хрестоматий других народов Урало-Поволжья с учетом различий в культуре и общественной жизни этих народов, специфики национальных вариантов просветительства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абидова, 2017 – Абидова Э. Х. Роль русской литературы в развитии башкирского словесного искусства (на примере башкирской литературы XIX – начала XX века). Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2017.

Вильданов, Кунафин, 1981 – Вильданов А. Х., Кунафин Г. С. Башкирские просветители-демократы XIX в. М.: Наука, 1981.

Галаяутдинов, 2000 – Галаяутдинов И. Г. Из истории языковых и культурных процессов в Башкортостане в XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] // Ватандаш. 2000. № 12. URL: <http://vatandash.ru/?article=100> (дата обращения 23.10.2019).

Ершов, 1975 – Русская эпиграмма второй половины XVII – XX вв. / Вступ. ст. Л. Ф. Ершова; сост., подг. текстов и прим. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко. М.: Советский писатель, 1975. 968 с.

Жилякова, Скирневская, 2017 – Жилякова Э. М., Скирневская В. Ю. Л. Н. Толстой – переводчик басен Эзопа // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. № 15. С. 5–25.

Зеткина, 2005 – Зеткина И. А. Становление и развитие национального просветительства в Поволжье (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дисс. ... д-ра культурологии. Саранск, 2005.

Корф, 1882 – Корф Н. А. Наш друг: Книга для чтения в школе и дома. СПб.: Общественная польза, 1882. VIII. 228 с.

Кунафин, 2012 – Кунафин Г. С. Об этапах развития башкирского просветительства и особенностях отражения просветительских идей в литературе первой половины XIX века // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. С. 537–540.

REFERENCES

Abidova, 2017 – Abidova E. H. Rol' russkoj literatury v razvitii bashkirskogo slovesnogo iskusstva (na primere bashkirskoj literatury XIX – nachala XX veka). Ufa: Gilem, Bashk. encikl., 2017. (in Russian)

Vil'danov, Kunafin, 1981 – Vil'danov A. H., Kunafin G. S. Bashkirskie prosvetiteli-demokraty XIX v. M.: Nauka, 1981. (in Russian)

Galyautdinov, 2000 – Galyautdinov I. G. Iz istorii yazykovykh i kul'turnykh processov v Bashkortostane v XIX – nachale XX vv. [Elektronnyj resurs] // Vatandash. 2000. № 12. URL: <http://vatandash.ru/?article=100> (data obrashcheniya 23.10.2019). (in Russian)

Ershov, 1975 – Russkaya epigramma vtoroj poloviny XVII – XX vv. / Vstup. st. L. F. Ershova; sost., podg. tekstov i prim. V. E. Vasil'eva, M. I. Gillel'sona, N. G. Zaharenko. M.: Sovetskij pisatel', 1975. 968 s. (in Russian)

Zhilyakova, Skirnevskaya, 2017 – Zhilyakova E. M., Skirnevskaya V. Yu. L. N. Tolstoj – perevodchik basen Ezopa // Tekst. Kniga. Knigoizdanie. 2017. № 15. S. 5–25. (in Russian)

Zetkina, 2005 – Zetkina I. A. Stanovlenie i razvitie nacional'nogo prosvetitel'stva v Povolzh'e (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): avtoref. diss. ... d-ra kul'turologii. Saransk: 2005. (in Russian)

Korf, 1882 – Korf N. A. Nash drug: Kniga dlya chteniya v shkole i doma. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1882. VIII. 228 s. (in Russian)

Kunafin, 2012 – Kunafin G. S. Ob etapah razvitiya bashkirskogo prosvetitel'stva i osobennostyah otrazheniya prosvetitel'skih idej v literature pervoj poloviny XIX veka // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2012. T. 17. № 1. S. 537–540. (in Russian)

D. N. Fateev, N. A. Zaitsev

**RUSSIAN, TATARIAN AND BASHKIRIAN CHRESTOMATHIES OF THE MIDDLE
AND THE SECOND HALF OF THE XIXth CENTURY IN THE CONTEXT
OF NATIONAL ENLIGHTENMENT**

The article, by using the example of the anthology genre and its separate components of smaller genres, examines similarities and distinctive features of the Russian, Tatar and Bashkir educational movement. The author evaluates anthology as a genre of educational literature and the functions it performs in the formation of the national language, the development of national literature and pedagogy, and the formation of the cultural identity of the people. The enlighteners' approach to the compilation of anthologies, selection and processing of the works included in them is based on the material of the "Tatar anthologies" of M. I. Ivanov and S. B. Kuklyashev, the "Anthology" of K. D. Ushinsky, the chrestomathy of N. A. Korf from the book for reading "Our friend" and four "Russian books for reading" by L. N. Tolstoy. The sources of the research are also works by experts in literature and culturology devoted to the work of the authors of the anthologies mentioned, and their works themselves, as well as the phenomenon of enlightenment in general. The results of the comparison allow us to get a more general idea of the typological similarities and differences between the Russian and Ural-Volga educational movements of this period, and further research in this direction can provide a key to understanding the relationship and correlation of national and regional educational movements.

Keywords: enlightenment, chrestomathy, fable, translation, Tatar literature, Bashkir literature, Russian literature.

Фатеев Дмитрий Николаевич,

кандидат филологических наук, доцент,
Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия)
DNFateev@pushkin.institute

Fateev Dmitry Nikolaevich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Pushkin State Russian Language Institute
(Moscow, Russia)
DNFateev@pushkin.institute

Зайцев Никита Александрович,

студент, Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия)
karlshilder1854@yandex.ru

Zaitsev Nikita Aleksandrovich,

Student, Pushkin State Russian Language Institute
(Moscow, Russia)
karlshilder1854@yandex.ru